18+

ЗАБЛУДИТЬСЯ В ТРЁХ СОСНАХ

БРАЙАННА РИД

Брайанна Рид

Заблудиться в трёх соснах. 1+1=3

«Издательские решения»

Рид Б.

Заблудиться в трёх соснах. 1+1=3 / Б. Рид — «Издательские решения»,

«Семья убивает страсть» — такого мнения придерживаются многие: как мужчины, так и женщины. Но не Дэниел и Джинджер. Влюблённым впору позавидовать: они ничего не делают, чтобы превратить сексуальную энергию в нечто иное, это живет в них само.

© Рид Б.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие 6
Глава 1 7
Глава 2 11
Глава 3 14
Глава 4 18
Глава 5 22
Глава 6 26
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Заблудиться в трёх соснах
1+1=3

Брайанна Рид

Иллюстратор Александр Скобельцев
Дизайнер обложки Александр Скобельцев

© Брайанна Рид, 2026
© Александр Скобельцев, иллюстрации, 2026
© Александр Скобельцев, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-5029-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Когда я закончила «Ветви Дуба», я думала, что история завершена. Дэниел и Джинджер — вместе, Грег — в тумане, Джейн — на горизонте. Остальные — фон. Чистый финал, красивая точка. Можно закрывать ноутбук и идти пить чай.

Я ошиблась. Точка оказалась запятой.

Герои не ушли. Они продолжали жить в голове — ссориться, мириться, напиваться, влюбляться, мотать друг другу нервы и утешать. Я пыталась не слушать, но они были настойчивее меня. Дэниел снова сделался чем-то одержим. Грег начал пить. Джинджер снова стала бояться, что её разлюбили. А Джейн — Джейн просто появилась и всё перемешала.

Мне говорили: «Напиши продолжение». Я отвечала: «Зачем? Всё сказано». Но однажды утром я открыла заметки в телефоне — те самые, в которые записывала афоризмы — и обнаружила, что их стало слишком много. Они копились месяцами, как осенние листья под кроватью, и уже не помещались на экране. Я перечитала — и поняла, что каждый из них — маленькая глава. Не из книги афоризмов. Из книги жизни.

Так что вот. Вторая часть. Не «что было дальше», а «что случилось, когда все подумали, что дальше ничего не будет».

Заблудиться в трёх соснах — это не метафора. Это буквально — не видеть леса за деревьями, получить 1+1=3, 2+2=5 и так далее. Но об этом — в своё время.

Брайанна

Глава 1

«Почему жизнь сначала подаёт ложную надежду, а потом кидает в пучину отчаяния?»

С такой мыслью я покидала очередной кабинет врача. Как и в стотыщмиллионный раз, попытка оказалась бесплодной. Во всех смыслах. Во всей этой ситуации для меня была только одна хорошая новость — боли в животе и симптомы, похожие на тяжёлый грипп, вовсе не были показателем какой-то неизвестной науке болезни. Слова «всё в порядке» относились к моему здоровью, а не к тому, на что я так надеялась. Точнее, болезнь была — но очень даже хорошо известная: меня всего лишь замучила соматика, помноженная на нервный срыв, вызванный ревностью, озлобленностью на мир вообще и мужчин в частности. В особенности на одного мужчину. Да ещё и напрасно. Врач сказал бы — астенический синдром, если бы я дала ему договорить. Но я не дала: встала, забрала рецепт и ушла. Хотя — и это я тоже видела, но решила не замечать — он пытался сказать что-то ещё. Что-то про «не исключено» и «шансы есть», но я уже застёгивала куртку. Я знала этот тон — тон осторожного «ну, вообще-то…», за которым в моём опыте всегда следовало «но, к сожалению…». Я не стала слушать. Ложная надежда — худший вид пытки: она заставляет тебя верить, а потом всё равно ломает. Лучше сразу знать, что ничего нет, и жить с этим.

И ведь знал же врач — я видела это по его глазам, по тому, как он поверх очков смотрел, пока я перечисляла симптомы. Знал, что ничего органического. Что это я, мои нервы, мои страхи, моя вечная привычка превращать муху в слона, слона — в мамонта, а мамонта — в апокалипсис. Но промолчал, выписал направление и пожелал здоровья. Вежливый человек. Наверное, привык к таким, как я, — молодым женщинам, которые приходят с животными страхами и уходят с рецептом от спазмов.

Неудивительно, что врачи так ничего странного и не нашли. Но я решила немного попугать Дэниела, ничего не сказав ему напрямую: знаю я, как он захочет «лечить» меня и чем. Секс и глинтвейн явно не решат проблему.

Я тут же устыдилась. Маленькая, мстительная, недостойная мысль. Я её подумала — и сразу отодвинула, как отодвигают тарелку с остывшим ужином: не голодна, не сейчас, спасибо. Но она успела мелькнуть, и я знала, что вернётся. Мысли так поступают — возвращаются, когда ты думаешь, что удалось отделаться.

Дэниел ждал у машины. Я подошла, стараясь выглядеть тяжелобольной.

— Я не могу сниматься. Врач сказал, что болезнь очень запущена, потому что я лечусь чем попало, — я еле сдержалась, чтобы не хохотнуть, вспомнив, чем «лечилась» всё последнее время.

Обычно аккуратный Дэниел отшвырнул недокуренную сигарету прямо под ноги и затоптал, будто подросток, застуканный родителями за тайным курением.

— Зачем ты это сделал? — спросила я, садясь в машину.

— Рядом с больными курить нельзя, — искусственно улыбнулся любимый.

— Знаешь, — нарушила я молчание, когда мы ехали, — я рассчитывала на несколько более живую реакцию. Ты и теперь не откажешься от своих планов?

— Джин, как ты могла подумать такое? — Дэниел как будто даже слегка рассердился. — Теперь я ещё крепче утвердился в своём решении. Но мне интересно: тебе хоть что-нибудь сказали о том, как ты должна лечиться?

— Да. У меня даже рецепт есть.

— А?

— Нет, спасибо, Дэн. Куплю сама всё.

Дэниел не стал возражать.

Ехали мы в полном молчании.

На улице было очень тепло, солнце пригревало. Только я с моим везением могла умудриться разболеться в такую погоду. Честно говоря, я надеялась, что моё самочувствие объяснялось другим состоянием. Но, видимо, не судьба.

Я посмотрела на Дэниела. Он вёл машину сосредоточенно, обеими руками — как будто дорога требовала от него полного внимания, а не просто привычки. Я знала этот жест: так он делал, когда думал о чём-то серьёзном, но не хотел, чтобы я видела его лицо.

— Куда тебя отвезти? Обратно домой? — подал голос Дэниел. Сегодня был необычно «многословен».

— Куда хочешь.

— Нет. Туда, куда мне хочется, сейчас нельзя.

— Почему?

— Потому что я хочу отвезти тебя к себе и сыграть тебе новую песню.

— А почему не можешь?

— Слишком напряжённая обстановка была на последней репетиции. Не хочется, чтобы ты меня таким видела…

— Каким «таким»? Мне казалось, я тебя видела уже всяким.

— Поверь, — мягко возразил Дэниел, — таким ты меня ещё не видела. Я постоянно придираюсь, докапываюсь, цепляюсь, пока не выйдет по-моему.

— А разве с этого не начался наш роман? — спросила я, чувствуя, как внутри зарождается знакомое, но теперь уже не такое острое чувство обиды. — Разве не так ты добивался моего внимания, Дэниел? Постоянно настаивая, убеждая, не давая спуску?

Он помолчал, его взгляд скользнул по моему лицу, словно пытаясь прочитать мои мысли. Солнечный луч, пробившийся сквозь стекло, осветил его профиль, подчеркнув лёгкую тень усталости под глазами.

— Возможно, — наконец произнёс он; голос стал тише, почти интимным. — Но тогда это было другое. Тогда я боролся за то, чего хотел, за то, что казалось мне единственно правильным.

Он замолчал, словно сам услышал то, что сказал, и не знал, куда это деть. Потом, неохотно, будто вытаскивая что-то из себя:

— Сейчас… сейчас я боюсь, что моя одержимость может навредить тебе ещё больше. Особенно когда ты так уязвима.

Я смотрела на него, пытаясь понять, где заканчивается его забота и начинается привычная потребность контролировать. Но сегодня, после осознания того, что мои страдания вызваны не загадочной болезнью, а собственным внутренним хаосом, я чувствовала себя иначе. Меньше боли, больше ясности. И меньше злости.

— Ты считаешь, я не справлюсь сама? — спросила я, и в моём голосе не было вызова, только тихое любопытство.

— Я считаю, что тебе нужна поддержка. Но я также считаю, что ты сильнее, чем думаешь. И я не хочу быть тем, кто будет решать за тебя, как тебе лечиться. Я просто хочу быть рядом. Если ты позволишь.

Он хотел сказать что-то ещё, но промолчал. Я привыкла: если Дэниел не собирался озвучивать свои мысли, прочитать их было невозможно. Возможно, хотел подколоть, но передумал. Возможно, не мог простить себе, сколько попортил мне нервов за время наших отношений. Какая разница?

Мы подъехали к его дому. Я не знала, чего хочу больше: остаться и послушать новую песню, которую он, по его намёкам, написал под влиянием наших последних событий, или уехать домой и побыть наедине с собой. Но когда Дэниел открыл дверь машины и протянул мне руку, я почувствовала, что выбор уже сделан.

— Хорошо, — сказала я, принимая его жест. — К тебе. Но только если ты обещаешь, что эта песня не будет о том, как ты «спасаешь» меня.

Он улыбнулся, и эта улыбка была искренней, без тени той искусственности, которую я видела раньше.

— Обещаю.

Когда мы вошли, на меня нахлынуло странное чувство: «я дома». Так уютно мне не было ни с кем и нигде, даже в родном доме. Запах старых занавесок, свежего постельного белья и зелени вызвал воспоминания о нашей первой встрече, которая хоть и была омрачена моей простудой, всё же оставила ощущение «первости», «ожидания», перекрывавшего всё негативное.

Тот самый дом. Не белые доски и электрический камин — а двухэтажный, с садом и студией на втором этаже, куда он привёз меня когда-то, напугав до полусмерти. Тогда я звала его «Любовным гнёздышком». Теперь — просто «Дом». Второй дом пустовал: Дэниел не возвращался туда с тех пор, как мы стали встречаться. Слишком много оттуда — от академии, от Лейнов, от всего, что он оставил в прошлой жизни.

— Мистер Форджу, дайте мне кофе, я же замёрзну, — напомнила я ему наш диалог во время съёмок.

Он понял и подыграл:

— Может быть, ещё и горячего вина? Запускать своё здоровье опасно.

— Только кофе.

Дэниел исчез в направлении кухни, а я принялась обустраиваться в спальне. Мне было необходимо полежать: болезнь давала знать о себе. Когда я уже почти провалилась в сон, надо мной раздался голос:

— Возьми. Я сделал так, как ты обычно любишь.

Запах кофе со сливками был тому подтверждением. Я села на постели и с трудом сделала несколько глотков горячего напитка. После того как я вернула Дэниелу чашку, он поставил её у кровати и лёг ко мне.

Мы лежали на кровати Дэниела, соприкасаясь головами. Он — ногами к окнам, я — к шкафу напротив.

— Что-то вспомнила? — спросил он, услышав моё хихиканье.

— Честно говоря, да. Я вспомнила, как ты ссорился с вашим предыдущим клавишником. А ребятам потом сказал: «Надоело играть в одной группе с типом, который одалживает у всех деньги, пишет дурацкие песни и пердит в студии».

— Да, непросто было с ним. — Дэниел тоже улыбнулся.

Повисла неловкая пауза. Дэниел взял мою руку в свою и начал пересчитывать мои пальцы.

Мне стало щекотно, и я отстранила руку.

— Не волнуйся, ни одного не украли, — пошутила я. — Все поросята на месте.

— Прости, задумался, — улыбнулся он.

— А может, всё-таки возьмёшь меня с собой на репетицию?

— Уговорила, поехали, — как-то внезапно оживился Дэниел.

Он вскочил с кровати и стал собираться. Мне не понравилось, что он, по-видимому, ждал, пока я начну его уговаривать. Но спорить с Дэниелом — значит играть по его правилам, а я устала играть.

Он порылся в шкафу рядом с кроватью — том самом, откуда доставал платье для фотографии, — и выдал мне странную, но красивую кофту: розовую, грубой вязки, «возрастом» явно старше меня. Я улыбнулась, представив себя в такой, как сейчас модно говорить, винтажной одежде. Только больших очков не хватает для образа настоящей хипстерши.

Дэниел неправильно понял мою задумчивость и мягко улыбнулся:

— Не ревнуй, Джин. Это кофта моей мамы. Она носила её ещё в Дублине.

— Да я так и поняла. Твои фанатки наверняка носят кое-что помоднее.

— Не интересовался, — его улыбка сползла.

Дэниел вышел к машине, а я оделась и вышла следом. Снова я погружалась в эту атмосферу концертов, репетиций, бессонных нетрезвых ночей. Что ж, вынуждена признать: мне это нравилось и нравится. Так тому и быть.

Я села в машину и прислонилась головой к прохладному стеклу, наблюдая, как мелькают деревья. Эта кофта, старая и необычная, казалась теперь не просто вещью, а чем-то тёплым и чужим одновременно, и оттого ещё более своим.

Глава 2

Когда мы приехали, почти все ребята были на месте. Кроме Грега. Пол был на нервах, несмотря на то, что Грег опаздывал не так уж сильно:

— В чём дело? Он же никогда раньше не задерживался. Если он не появится прямо сейчас, я ухожу.

Дэниел не успел убрать косуху в шкаф, а потому просто кинул её на пол рядом с микрофоном, после чего принялся успокаивать ребят:

— Да угомонись. Иди покури. Сам знаешь: по закону Мёрфи, как только ты закуришь, Грег появится.

На сей раз это не понадобилось. В дверях наконец показался Грег, какой-то необычайно оживлённый:

— Извините, что задержался. Отбивался от активистки.

— Воображаю, — хотел пошутить Пол, но Грег его перебил.

— Всё намного хуже: мисс оказалась убеждённой защитницей животных. Показывает мне картинку лисицы без шкуры и говорит: «Посмотрите, мистер, что остаётся от бедняги!» А я ей отвечаю: «А зачем же вы такие картинки распространяете, с голыми убитыми животными? Это со стороны вашей организации какой-то некросадизм пополам с зоофилией».

Ребята засмеялись, а меня передёрнуло.

Ужасно хотелось ответить этому больному что-нибудь вроде: «Если ты везде видишь извращённую порнографию, это исключительно проблемы твоего воспалённого разума». Но ссориться — да ещё прилюдно — ни с кем не хотелось, поэтому я просто вышла в сад.

Раньше мне Грег казался куда разумнее. К тому же в разговорах он обычно был приятным собеседником, а тут…

Помня, как обещала Дэниелу не переживать и ни с кем не ссориться, я расположилась в беседке послушать музыку в телефоне. Не знаю, сколько прошло времени, но когда я дослушивала любимый альбом, мне на плечо легла рука. Я вскрикнула от неожиданности — возвращение на землю из мира фантазий всегда проходит для меня болезненно.

— Не хотел тебя пугать, — это был Грег, — просто ты сидишь там, где я обычно курю.

— Тут нет таблички «место Грега».

— Да ладно, что ты паришься, — примиряюще сказал парень, ероша свои длинные волосы, — просто не хотел дымить на тебя. Дэн говорит, при тебе нельзя дымить.

— Я не переживаю за свои и чужие права, — парировала я, — в отличие от нелюбимых тобой активисток. Так что можешь курить. Пассивное отравление меня не волнует.

Грег сел на скамейку рядом и закурил.

— Извини, не думал, что тебя так заденет моя шутка. Но разве ты считаешь нормальным, что эти люди вот так запросто подходят к незнакомым и учат жизни? Фанатики какие-то. Я же не кричу: «Слушайте металл, ребята, всё остальное разлагает ваш мозг».

Я живо представила себе такую картину: Грег, и без того похожий на молодого Че Гевару без бороды, только не в военной форме, а в кожаном прикиде, ведёт за собой толпы металлистов, штурмующих офис «MTV». От этого меня разобрал смех.

— Вы что, вдвоём ушли на перекур? — услышала я за спиной голос Дэниела.

— Ага, одну сигарету на двоих курим, — зачем-то сказала я.

— Что, правда?

— Да нет, конечно!

— Ну и хорошо, — Дэниел как-то нехорошо посмотрел на Грега, после чего тот начал оправдываться, что это я сама разрешила ему курить рядом с собой. Затем парни снова отправились репетировать.

Через полчаса они объявили перерыв. Я всё ещё сидела в беседке, когда Грег подошёл к Дэниелу и хлопнул его по плечу:

— Дэн, пора уже делать обложку для нового альбома. Фрейзер со своим лейблом давит, сам знаешь. И фотосессию тоже пора планировать.

Я вздрогнула. Дэниел уговаривал меня сняться для обложки ещё тогда — долго, нудно, с глинтвейном и клятвами, что выйдет «искусство, а не порнография». Я отказала. Тогда он сказал: «Ладно, найдём модель», — и я подумала, что он блефует. Видимо, не блефовал.

— Я знаю пару девчонок, — Грег достал телефон и начал листать. — Вот, смотри. Эта — Шейла, работает с дублинским фотографом, некапризная. Отличная внешность.

Дэниел взял телефон, стал смотреть. Я сидела рядом и тоже видела: улыбчивая блондинка в обтягивающей чёрной футболке, с идеальными скулами и тем самым взглядом — «я знаю, что красивая, но делаю вид, что не знаю».

— А эта? — Грег листал дальше. — Ниав. Из Корка. Невероятные глаза.

Дэниел кивал, сохранял фотографии. Я делала вид, что листаю свой телефон, но краем глаза видела каждое лицо. Все они были красивые. Все — молодые. Все — не я.

Внутри закипало что-то горячее и неприятное, но я сжала зубы. Не сейчас. Не при Греге.

— Неплохо, — сказал Дэниел, возвращая телефон. — Скинь мне контакты, посмотрю на профессиональные портфолио.

Грег ухмыльнулся:

— Могу и живьём познакомить. Шейла, кстати, спрашивала про тебя.

— Потом, — отмахнулся Дэниел. — Сначала отберём по портфолио.

Они вернулись к репетиции, а я осталась в беседке, сжимая в руках остывший телефон. «Отберём по портфолио». Вот как это называется. Будто девушек можно перебирать, как гитарные струны — по толщине, по звуку, по тому, какая лучше ляжет.

Репетиция закончилась поздно. Когда ребята разъехались и мы остались вдвоём, Дэн за чашкой какао учинил мне допрос с пристрастием:

— Тебе точно не становится плохо от курения?

— Не понимаю, к чему ты это, — удивилась я.

— Я знаю, ты боишься обидеть людей, поэтому позволила Грегу закурить в твоём присутствии. В следующий раз не стесняйся, посылай его.

— Вообще-то это ты себе внушил, что моё состояние настолько тяжёлое, что при мне даже курить нельзя. Меня это не напрягает, честно. Оставь в покое парня.

— Но ты ведь ушла из комнаты, когда он появился. Я подумал, это из-за запаха сигарет.

— На самом деле из-за его тупой шутки про животных и некросадизм.

Зря я это сказала.

— Он что, тебя обидел? — переспросил Дэниел. — Что же ты молчала?

Я еле сдержалась, чтобы не засмеяться:

— И как ты это себе представляешь? Что я буду жаловаться на твоих друзей как типичная гламурная дамочка? «Ой, мне дурно, уберите этого мужлана». Или, как сейчас модно говорить, «этот токсичный тип отравляет моё пространство». Я уже в своё время развалила группу мужа из-за своих проблем. Не хочу повторения.

— А я не хочу ничего слышать об этом мерзавце, — неожиданно взорвался Дэниел. Его лицо исказилось — на мгновение оно стало не просто злым, а чужим, словно из его черт кто-то стёр всё, что я в них любила.

— Полегче! — возмутилась я. — Он всё-таки мой муж, хоть и бывший.

— Прости, я не это имел в виду, — так же быстро остыл Дэниел. — Я просто хочу разорвать на части любого, кто тебя обидит или когда-либо обижал.

— Поосторожнее с такими заявлениями, — терпеть не могу громкие и пафосные декларации, — как бы не пришлось однажды разорвать на части самого себя.

Сказала и тут же пожалела о своих словах.

Но Дэниел, вопреки моим страхам, вовсе не обиделся, а только долил сливок в мою чашку.

— Мне кажется, пора положить тебя в постель. Покой и ласки — лучшее лекарство от болезней.

Я, разумеется, поняла намёк, но отвергла предложение:

— Только покой. Не пойми меня неправильно, что-то я сегодня не в настроении, да и сил нет.

— Это ничего, — улыбнулся Дэниел, — я укутаю тебя шарфом.

Я переоделась для сна, и шарф поверх тонкой майки смотрелся весьма комично, но Дэниел счёл это милым и трогательным.

Мы легли спать. Он уснул сразу, а ко мне сон всё никак не приходил: я задумалась, глядя на его безмятежное спящее лицо.

Впервые за долгое время мы провели ночь без секса — просто грелись при помощи наших тел, обнимались и отдыхали. Дэниел отнёсся с пониманием к моему состоянию, и это было очень приятно, но всё же стало как-то не по себе.

Неужели конфетно-букетная влюблённость прошла? Так быстро? Или мне довелось впервые столкнуться с настоящей любовью, а не с похотью, когда партнёр уважает партнёршу, не настаивает, а лишь помогает и поддерживает? Это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Но я уже знала — она будет хорошей только до тех пор, пока её нет рядом, а потом начнёт меняться сама собой или менять мир вокруг нас так сильно, что перестанем любить друг друга в привычном смысле. Не упускаем ли мы что-то?

Я отвернулась от спящего Дэниела, пытаясь унять дрожь, пробежавшую по телу. Неужели я действительно так быстро остыла? Или это просто усталость, накопившаяся от «встречи в клубе» до «grá go deo» и предложения, дала о себе знать, притупив остроту чувств? Я всегда была уверена, что книжная любовь — эта буря, вихрь, который сметает всё на своём пути, оставляя после себя лишь пепелище, — чушь собачья. Но наши бурные ночи стали мне приятны. А здесь… здесь было так спокойно, так ровно. Словно тихая река, несущая свои воды к морю. И эта тишина пугала меня больше, чем любая буря.

Я вспомнила, как в юности мечтала о страстных признаниях под луной, о бурных ссорах, которые заканчивались ещё более бурным примирением. Мне казалось, что именно в этом и заключается настоящая любовь — в непредсказуемости, в способности вызывать бурю эмоций. А Дэниел… он был так спокоен, так заботлив. Не требовал, не настаивал, просто был рядом. И это было так непривычно — и так правильно. Как он говорил тогда, когда мы обсуждали будущее? «Семья убивает страсть? Так говорят только потенциальные самоубийцы, готовые при первых трудностях убить в себе и страсть, и желание, и сочувствие, и себя заодно».

Но что, если за этой правильностью — пустота, которую я так старательно пыталась заполнить всю свою жизнь? Я боялась, что эта спокойная гавань окажется лишь временным пристанищем, а настоящая буря ещё впереди.

Я прикрыла глаза. Не хотела терять то, что имела. Даже если это было не похоже на ту любовь, о которой я мечтала. «Возможно, настоящая любовь — это не буря, а тихий свет, который согревает изнутри, не обжигая». И я была готова бороться за него — даже если это означало отказаться от своих прежних представлений. Фраза выстроилась сама — законченная, готовая, какими они бывают только когда их не гонишь. Я взяла телефон с тумбочки, открыла заметки и записала. Ещё один для коллекции.

Сама не заметила, как всё-таки провалилась в тяжёлый и нервный сон. Но что мне снилось — не помню и не хочу вспоминать.

Глава 3

Я проснулась от запаха поджаренного подового хлеба — такого, какой пекут в каждом ирландском доме: плотного, тёмного, с грубой коркой, от которой крошки разлетаются по всей кухне.

Дэниел намазал ломоть маслом — желтоватым, солоноватым, от которого нож скользит по хлебу, как по льду, — и положил рядом тёмный кружок кровяного пудинга, зажаренный до хрустящей корочки. Чай был «Barry's», единственный сорт, который он признавал, — крепкий, почти чёрный, с молоком.

Из окна легонько дул свежий лесной ветер — пахло мокрой травой и чем-то сладковатым, то ли жимолостью, то ли тем самым хлебом, — и этого в сочетании с запахом еды из кухни оказалось достаточно, чтобы безболезненно вернуться в реальный мир.

— Просыпайся, — зазвучало у меня в ушах, — хочешь сладенького?

Надо мной стоял Дэниел в своей всегдашней зелёной футболке и чёрных джинсах. Он держал поднос с едой.

— Хочу, но ты уже оделся, — пошутила я.

— Я имел в виду джем.

— Мне больно глотать…

— Жаль. Ну, тогда просто попей чаю с молоком. Хочешь, я тебя покормлю? Начиная новую жизнь, не забудь позавтракать!

Дэниел поставил поднос на тумбочку, после чего сел на постель с банкой джема.

— Открой рот.

— А глаза не закрыть?

Дэниел свободной рукой погладил меня по волосам. Я сняла шарф и приготовилась есть с ложечки. М-м-м… вишня! Как вкусно. Неожиданно у меня проснулся аппетит, и я забрала банку. Дэниел продолжал сидеть на постели и наблюдать за мной. Вдруг он улыбнулся.

— Что смешного? — меня это удивило.

Вместо ответа он провёл пальцем по моей щеке.

— Джем.

— Ты сам-то поел? — спохватилась я.

— Я не голоден, — спокойно ответил Дэниел.

Он встал с постели и надел куртку.

— Хочешь отдохнуть или поедем вместе?

— Куда?

— Как «куда»? На наш концерт. Правда, он будет вечером, но я хотел заехать к Грегу.

Видеть Грега снова мне не хотелось. Я потянулась к книге на тумбочке, но поняла, что не смогу сейчас читать: мысли крутились по кругу, и тишина комнаты вдруг стала давить.

— Хорошо, — сказала я. — Я, пожалуй, прогуляюсь, а потом приеду к началу концерта. А ты поезжай к Грегу. Только не задерживайся там слишком долго, ладно?

Дэниел кивнул, его взгляд задержался на мне ещё на мгновение, словно он хотел убедиться, что я действительно в порядке.

— Хорошо. Я вернусь к обеду. А потом мы поедем на концерт. Ты уверена, что сможешь?

— Уверена, — ответила я, хотя в глубине души ещё сомневалась. — Главное, чтобы не было слишком шумно. И чтобы ты был рядом.

Он улыбнулся, и эта улыбка, такая простая и искренняя, развеяла последние остатки тревоги.

— Я всегда буду рядом.

Он вышел, оставив меня наедине с тишиной комнаты, запахом чая и сладостью джема на губах. Я посмотрела в окно. Ветер трепал листья на деревьях, и солнечные лучи, пробиваясь сквозь них, рисовали на полу причудливые узоры. Мир сна, каким бы тяжёлым он ни был, казался теперь далёким и нереальным. Реальность была здесь, в этом тёплом луче света, в аромате жареного хлеба, в предвкушении вечера, проведённого с Дэниелом. Я глубоко вздохнула, ощущая, как свежий воздух прогоняет остатки усталости, и улыбнулась. Сегодняшний день обещал быть странным, но хорошим.

Когда Дэниел уехал, я поняла, что мне не спится, но и читать тоже не хочется. Живот не болел. Может, еда Дэниела помогла. Или тот факт, что впервые за неделю я не злилась ни на кого. Хотелось одеться и пройтись по улице.

Так я и сделала: взяла валявшиеся со вчерашнего дня вещи и решила пройтись до ближайшего кафе. Обстановка в нём была не такой тихой и уютной, как во времена моих поездок в Англию к друзьям, но на меня нахлынули воспоминания о нашей маленькой тёплой компании — о дружбе с парнем, которого все звали Череп, и его приятельнице Мелиссе, по которой он сох. Интересно, добился ли он её любви?

Я вспомнила комичный случай, когда Череп, немного перебрав пива, опрокинул стоявшую на нашем столике вазу. Да… долго потом ребята шутили, что этот мирный и скромный парень становится буйным, когда напьётся, — мол, начинает крушить мебель, бить роскошные вазы и сталкивать рояль в бассейн, как капризная рок-звезда.

Иногда мне кажется, что моей безупречной репутации не помешало бы немного запятнаться, как говорят в плохих романах о любви и сексе.

Пока я выбирала кофе из меню, я вспомнила, как Мелисса подначивала меня заказать напиток с неприличным названием «кричащий оргазм». С тех пор я усвоила один важный урок — никогда не стоит позволять разводить себя на слабо. Потому что коктейль стоило назвать «шумный сблев». Вино явно будет эстетичнее, чем эта горючая смесь.

Думая об этом, я машинально крутила в пальцах салфетку. В голове снова мелькнула та самая мысль про съёмку для Дэниела — опрометчивая, как мне теперь казалось. Надеюсь, он не станет опять прибегать к своему любимому раскрепощающему напитку. Так ведь и спиться недолго.

Тем временем мне принесли кофе. Но в полной мере насладиться им не удалось: позвонил Дэниел и сообщил, что они вместе с Грегом едут на концерт. Пришлось пить горячим.

Клуб, в котором должна была выступать группа, я нашла не сразу: он расположился в одном из гаражей. Точнее, это было какое-то техническое помещение рядом с гаражами, переделанное под клуб. Вокруг стояли машины и накрытые брезентом мотоциклы, стены были исписаны названиями групп, текстами песен и неприличными пожеланиями.

«Я там, где нужно», — почувствовала я. И тогда, где нужно. Потому что место прямотаки дышало романтикой винтажной рок-н-ролльной атмосферы.

Как я и рассчитывала, на месте я оказалась раньше этих двоих. Но позже Фила и Пола — они сидели со своими инструментами и что-то горячо обсуждали. Последнего я даже не сразу узнала: Пол обрезал волосы, что когда-то были ему до пояса. Впрочем, «обрезал» — сказано слишком мягко. Теперь на его голове красовался «ёжик».

— Привет! — поздоровался Пол. — Предупреждая возможный вопрос, скажу, что я хотел немного подровнять виски, но перестарался. Теперь придётся всё отращивать заново. Если, конечно, терпения хватит, — звонко рассмеялся он.

— Я ничего не хотела спрашивать, — попыталась оправдаться я, — да и вообще это не моё дело, кто какие причёски носит.

— Это так, на всякий случай. За последние несколько дней мне приходится озвучивать такой небольшой FAQ. Жаль: я больше не похож на Даймбэга Даррелла, — хохотнул парень.

— А нафига становиться похожим на него? — попыталась я пошутить. — По судьбе уж точно не нужно! Но ты можешь отрастить бороду и покрасить её в розовый цвет.

Мы посмеялись. Я отошла, чтобы повесить свою куртку на вешалку, и тут же сзади меня схватили мощные руки.

— Рад снова видеть тебя, дорогая!

Я тоже была рада Дэниелу.

Затем мы поздоровались с Грегом, после чего ушли с любимым в зал. До концерта оставалось ещё достаточно времени, и он решил посидеть со мной в баре. Я поддержала эту идею.

Бар был из тех, что не стараются быть красивыми: тёмное дерево, вытертое тысячами локтей, стойка с выщербленным краем, свечи в толстых стаканах, которые никогда не вытирали, и потому воск стекал по стенкам застывшими потёками. Пахло пивом, торфом и чампом — картошкой с зелёным луком, которую тут подавали к каждой пинте. Запах был густым, тёплым, солёным — бекон с дымком, жареная картошка, сливочное масло, и всё это смешивалось в одно, что я бы узнала с закрытыми глазами в любой точке мира. За стойкой висел плакат с гэльскими словами.

Мы молча сидели за барной стойкой и пили из двух соломинок глинтвейн из одного стакана. Невольно мне вспомнилась трогательная сценка из «Леди и Бродяги».

Дэниелу, наверное, тоже: когда напиток кончился, он неожиданно легонько поцеловал меня в губы и, попросив ждать его, пошёл к сцене.

Дэниел ушёл, а я осталась сидеть вместе с подошедшими Филом и Грегом. Чтобы поддержать беседу, я решила пошутить:

— Вот, допустим, парень среди девушек — «в цветнике». А если наоборот?

— Э-э… сосисочник? — несмело предположил Фил.

Пол слушал нас, сидя на прежнем месте, и всё ещё пытался по привычке закрутить несуществующий локон, как делал раньше, когда задумывался. Но вместо этого ему пришлось почесать затылок.

— Ещё «сосисочная вечеринка» скажи, — расхохотался Грег. — По-моему, это как-то грубо по отношению к даме. — Он посмотрел на меня, но быстро отвёл взгляд, словно не желая, чтобы я поняла, что он вообще в мою сторону смотрел.

— Ну, тогда кактусник, — не унимался Фил.

— Я чего-то не знаю о твоих предпочтениях? — усмехнулась я.

— Эй! Хватит валять дурака. Пора чекаться, — с этими словами Фил попытался схватить Грега за голову, но тот увернулся и шутливо постучал ему пальцем по макушке.

Заказывать себе новую порцию я не стала — мне хватило и выпитого, чтобы почувствовать приятную лёгкость. Портить это состояние возможным похмельем мне не хотелось.

Я сидела и слушала выступление ребят. Дэниел был ещё обворожительнее, чем всегда. Или это глинтвейн говорит во мне?

Как бы там ни было, мне здесь по-настоящему хорошо в этой компании. Ещё бы не париться по поводу взрослой жизни, в которую я окунулась так рано, не понимая, во что ввязалась. А ведь стремилась к этому всю сознательную жизнь: прошлый брак, преподавание, карьера, будущее с Дэниелом… Такое чувство, что всё это происходит не со мной.

Или я — вовсе и не я, а настоящая я, Джинджер, всё ещё сидит там, в лондонском баре с Черепом и Мелиссой, и играет с ними и ещё какими-то ребятами со своего курса в «я никогда не…».

Время будто замедлялось, и я позволяла себе просто быть здесь, не думая о том, что завтра принесёт новый день с его требованиями и ожиданиями. Внутри меня боролись две части: одна — та, что жаждала стабильности и порядка, и другая — та, что хотела остаться здесь, в этом зыбком пространстве между прошлым и будущим, где всё ещё можно было смеяться без оглядки и не думать о последствиях.

После выступления ребята разбрелись по залу — кто к бару, кто на улицу покурить. Дэниел подошёл, сел рядом, заказал воду и стал разминать пальцы — привычка, которая не отпускала его даже после выступления.

— Неплохо сегодня, — сказал Фил, подсаживаясь. — Хотя звук в этом гараже — как в консервной банке.

— Зато бесплатно, — Грег хлопнул его по плечу. — И пиво бесплатное. Не придирайся.

— Кстати, — Фил потянулся к стакану, — помните тот маленький фестиваль, где мы в прошлом году сыграли? От «Fraser Records»?

— Смутно, — Дэниел откинулся на спинку стула. — Мы весь день просидели в том павильоне. Джин, ты помнишь?

— Мы были заняты, — ответила я. — Я даже не помню, когда вы на сцену вышли.

— Вечером первого дня, — напомнил Дэниел. — Но я не об этом. Помните, на третий день вдруг все начали обсуждать какую-то новость? Какой-то музыкант — иностранец, никому не известный — умер в гостинице. И интернет буквально взорвался.

— Кажется, да… — я нахмурилась. — Что-то про немца или русского? Я не вникала.

— Вот именно. Мы не вникали. Репетиция, звук, настройка — своих проблем хватало. Но я помню, Райан весь день бегал куда-то — организатор, ему положено. А потом выяснилось, что это его фестиваль пригласил этого парня. По интернету познакомились. И вот — умер в номере. Передоз.

— Страшно, — тихо сказала я.

— Страшно то, что его никто не знал. Ни мы, ни Райан, ни кто-то на фестивале. Просто имя в списке. Просто сет. Просто ещё один иностранец. А потом — весь интернет обсуждает. — Дэниел помолчал, покрутил стакан. — Я потом видел его страницу. Последний пост: «Простите, друзья. Вы были правы — без вас всё это не имеет смысла». Кажется, он приехал один. Без своих.

— Может, у него не было «своих», — сказала я.

— Может быть. — Дэниел посмотрел на меня. — Знаешь, я всё думаю: каково его родным? Тем, кто остался дома? Я вот… если бы кто-то из наших сорвался — Грег, Пол, кто угодно — и поехал один, без группы, и… — он не договорил, но я поняла, что он не просто фантазирует. Он прогоняет это через себя. — Я бы поехал за ним. Возможно, те, кто остался, думают так же. И будут думать так до конца жизни.

Я смотрела на Дэниела и думала: он знает, каково это — когда родной человек за стеной, и ты не можешь пробиться. Он не говорил о сыне с тех пор, как мы выясняли отношения. Но иногда — когда чужие дети пробегали мимо, или когда по телевизору мелькал выпускной в детском саду — он замолкал на секунду и смотрел вслед чему-то невидимому. Я не спрашивала. Некоторые раны лучше не трогать: достаточно знать, что они есть.

Грег, до этого молча крутивший в руках стакан, вдруг обернулся:

— Это тот, про которого писали «вирусный трек»? Я что-то видел в ленте. Так и не понял, в чём там было дело.

— Ни в чём, — ответил Дэниел. — В том-то и весь ужас. Ни в чём.

Он взял стакан, сделал глоток, и разговор перешёл на другое — на новый клуб, на то, что басовые колонки в гараже никуда не годятся, на то, что Пол постригся.

Я смотрела на них — Фил, Грег, Дэниел — и думала: пусть это не закончится. Пусть.

Я глубоко вдохнула, чувствуя, как тепло глинтвейна разливается по телу, и решила не торопить события. Пусть всё идёт своим чередом. Ведь, в конце концов, именно такие моменты делают жизнь по-настоящему живой.

Глава 4

Мы сидели и слушали выступления других групп. Дэниел упомянул вскользь, что Фил и Пол подрабатывают сессионными музыкантами — подстраховывают чужие коллективы, когда не хватает людей. Сегодня кому-то нужны были ударник и ритм-гитарист, и ребята вызвались. «Плюс десять евро и бесплатное пиво», — сказал Пол, и я не поняла, шутит или нет.

— О чём задумалась? — окликнул меня женский голос, с трудом перекрикивая музыку.

— Привет, Джейн, — очнулась я. — Да так, размышления о жизни.

Узнала я её с трудом: вместо весёлой глэм-рокерши на меня смотрела юная, но уставшая от жизни версия Кортни Лав.

— Много думать вредно, — последовал ответ подруги. — Лишние морщины на лбу появятся.

— А мне в детстве говорили, что раздумья украшают женщину, — выпитое вино потянуло меня на дурацкое соревнование в остроумии.

— Врут! — нашлась Джейн. — Это сказала старая дева, которая ничего не умеет, кроме как философствовать.

Мы обнялись, и Джейн села на стул рядом со мной. Она хотела сесть, расставив ноги, но узкие джинсы затрещали, и пришлось положить ногу на ногу.

— Я смотрю, у вас с Дэном всё хорошо? — полувопросительно сказала подруга.

— Да, а как твои дела?

Ох, зря я задала этот вопрос! Я должна была вспомнить старую привычку подруги: каждый раз, когда она разочаровывалась в отношениях, она выключала режим «прекрасной и опасной охотницы», меняла вызывающе-женственные наряды на простые джинсы-майки-кофты и даже на люди в таком виде выходила. Но было уже поздно.

— Я не хочу об этом говорить! — у Джейн резко испортилось настроение.

— Серьёзно?

Я не поверила ей и правильно сделала: каждому, кто часто общается с таким типом женщин, должно быть понятно, что фраза «я не хочу об этом говорить» и ей подобные на деле означают: «Меня это угнетает, но я не хочу начинать разговор об этом первой, поупрашивай меня хорошенько».

Джейн заказала себе выпить и приступила к рассказу. Как выяснилось, за то время, что я решала диссертационные и сердечные проблемы, Джейн познакомилась в клубе с парнем и, будучи верной своей беспечной натуре, провела с ним первую же ночь после знакомства. Но всё было бы хорошо, если бы Джейн действительно удовлетворилась сексом на одну ночь. Неожиданно для себя самой она поняла, что ей важны-таки серьёзные отношения, и не смогла врать самой себе, что её не ранило зрелище нового знакомого в объятиях посторонней девушки. А точнее, как выяснилось, наоборот — жены.

Я была в шоке.

— Что же ты сделала?

Джейн захохотала, будто пытаясь утопить стыд в смехе. Тушь растеклась ещё сильнее.

— Я совершила ужасный поступок. Они что-то громко и горячо выясняли, а я подошла к ним и сказала: «Так ты женился на ней после всего, что между нами было?! Ты же мне обещал!» Когда я уходила, до меня донеслась её фраза: «А говорил, что до меня у тебя никого не было». Ты меня осуждаешь?

Я чуть не поперхнулась коктейлем.

— Да кто я такая, чтобы тебя осуждать? Знала бы ты, что я сделала с Дэниелом, когда сначала заподозрила, что он мне изменяет, а потом — что хочет подсидеть меня.

— Зная тебя — планировала затрахать его до смерти, — Джейн поставила стакан на стойку.

— Почти. Я хотела вытрахать из него всю уверенность, а потом бросить, унизив на защите.

— А сейчас мне тут один тип глазки строил, но я не уверена, что он не окажется ещё одним кобелём. Всё же, как ни противно это осознавать, мне хочется чего-то большего, чем просто секс. А для этих негодяев нет принципиальной разницы между блондинкой и унитазом. Разница лишь в том, что унитаз не бегает за тем, кто им воспользовался.

— Что ж, — хохотнула я, — это прямо девиз: «Не будь унитазом». Как «слезь с иглы мужского одобрения».

— Согласна. И без последнего я тоже не могу. Только мне нужно кое-что потолще иглы. Давай пойдём потанцуем.

Однако потанцевать как следует нам не удалось: музыка быстро кончилась, поэтому мы решили вернуться к своим.

Я подошла к Дэниелу, который о чём-то разговаривал с Филом, и уловила часть разговора:

— …надеюсь, это ненадолго? — с жаром вопрошал Фил.

— Как получится. Кстати, Грег не против.

— Да Грег всегда поддерживает любые твои идеи. Он не понимает, чем это грозит группе?

Я понимала, что момент неподходящий, но всё же решила предотвратить назревавшую ссору:

— Дэн? Мы здесь.

Дэниел обернулся, пожал руку Джейн, а меня обнял и поцеловал.

— Вы ещё долго?

— Сейчас будем собираться. Потом поговорим, — обратился Дэниел к Филу.

— Пока, — почти равнодушно попрощался тот с нами.

Вышли мы все вместе. Фил, Пол и Грег остались курить у входа в клуб, Джейн о чём-то заговорила с ними, выпросив сигарету, а мы с Дэниелом пошли к его машине.

Когда мы вернулись, я думала, что сразу усну, но тишина дома оказалась обманчивой. Среди ночи я проснулась от странных звуков из репетиционной комнаты, где обычно Дэниел писал стихи за ноутбуком или играл: это была гитара, но какая-то нервная. Мне даже показалось, что игра звучит фальшиво. В комнате можно было повесить топор из-за ядовитого сигаретного дыма.

Обычно я старалась не вмешиваться в творческий процесс, но состояние Дэниела меня беспокоило: он сидел на полу, скрестив ноги, и что-то нервно наигрывал. Когда он споткнулся на каком-то моменте, это его окончательно разозлило.

— Сука! — вскрикнул Дэниел, нервно вырвав провод из усилителя.

— Ты со всеми девушками так груб? — попробовала я изобразить игривое настроение, появившись в дверном проёме.

— Прости, — и куда только делось плохое настроение Дэниела? — я думал, ты спишь.

— Так и было.

— Я тебя разбудил?

— Не совсем, — я всё-таки решилась. — Меня напугало то, как ты разговаривал с Филом в баре. Сплю в последнее время беспокойно и крайне поверхностно.

— А, ты об этом, — Дэниел встал, убрал гитару и отключил аппаратуру. — Фил не одобряет мой сольный проект. Он считает, что это повредит группе.

— Но почему? — удивилась я.

— Потому что у него не хватает терпения.

Из Дэниела никогда нельзя было вытянуть больше, чем он сам желал рассказать; с этим я уже смирилась, а потому не стала больше ни о чём спрашивать.

— Может, пойдём спать?

— Прости, я с этим разбором песни совсем потерял счёт времени. Конечно, пойдём.

Я сняла верхнюю одежду, и Дэниел заметил моё бельё.

— Я ношу пояс с чулками всегда: они замечательно поддерживают фигуру и ножки, — пояснила я.

— И моё мужское эго, — улыбнулся Дэниел, — это зрелище очень поддерживает его.

Мы отправились в спальню. Мне не хотелось признаваться Дэниелу и тем более себе в том, как я по нему изголодалась. Болезнь начала отступать, и я в полной мере ощутила необходимость принять «лекарство Дэниела».

Дэниел хотел казаться нежным и беззаботным, но у него это плохо получалось: ярость то ли после разговора с Филом, то ли от неудачной репетиции прошла ещё не до конца, и в постели любимый был грубоват, но мне это даже нравилось.

Дэниел навалился резко, прижал меня к постели. Было что-то пикантное в том, что в этот раз мы ни разу не поцеловались. Его грубость была какой-то мучительно приятной, несмотря на боль от его напористости и неистовости. Его волосы, падавшие мне на лицо, насквозь пропахли сигаретным дымом.

— Моя сладкая! — хрипло шептал Дэниел.

Я была не в состоянии что-либо ответить, но даже если бы и была, ничего бы не получилось: Дэниел зажал мне рот рукой и укусил за шею, как сделал тогда, в нашу первую ночь вместе. Он слегка перестарался, и я чуть не задохнулась, но прибавилось странное и приятное ощущение, которое мне захотелось повторить. Я прижалась к Дэниелу и обхватила его руками и ногами. Он тоже сжал меня, обхватив крепко, притянув к себе. Мне казалось, ближе уже некуда, но я ошибалась…

— Я не могу сдержаться, — прошептал Дэниел. — Чёрт, я сейчас сорвусь!

Я не могла этого допустить раньше времени и использовала запрещённый приём, которому когда-то меня научила Джейн: больно щипнула его, после чего вцепилась в Дэниела и задвигалась ему навстречу. Мне удалось опередить его.

Несмотря на усталость, сон никак не приходил. Мы лежали и обнимались, болтая обо всякой ерунде. Я обратила внимание, что Дэниел забыл снять кулон в виде лезвия, и теперь украшение на голом теле смотрелось очень забавно, особенно вместе со следами моих ногтей и зубов. Можно было подумать, что это кулон оставил такие царапины.

— Что это было? — вдруг со смехом спросил Дэниел. — Прикалываешься по БДСМ-теме?

— Нет, — честно призналась я. — Боялась, что ты сорвёшься, а я — нет. Ты же не спросил меня.

— Как ты это себе представляешь? Глупо смотрится вопрос «ты уже?» Я знаю, вы, девочки, финишируете тихо и сладко, не как героини фильмов.

— Ты прав. В следующий раз будут чёткие команды.

— А знаешь, — Дэниел присел, опершись на локоть, — я придумал.

— Что придумал?

— А ты подавай сигнал, когда доходишь до предела, — сильная рука гладила меня по бедру. — Например, так.

— Я лучше буду пощипывать и покусывать тебя. Это так заводит!

Мы наконец-то поцеловались и смогли заснуть.

***

Утро встретило меня тишиной и мягким светом сквозь занавески. Дэниел уже ушёл на репетицию, оставив записку: «Вернусь к обеду. Люблю». Я потянулась, наслаждаясь спокойствием, и решила воспользоваться временем для себя.

Приняв душ и одевшись, я спустилась вниз варить кофе. В голове крутились мысли о прошедшей ночи: его грубость, мой страх не успеть, кулон, царапины. Странно — обычно я не любила, когда бывало грубо, но вчера в этой грубости было что-то настоящее, не наигранное. Дэниел не притворялся нежным, когда не мог, и я была ему за это благодарна.

Пока варился кофе, раздался звонок в дверь. На пороге стоял Фил. Без букета, но с банкой домашнего апельсинового мармелада — густого, тёмного, горьковатого, из севильских апельсинов — тех, из которых мармелад варят только в Англии. Фил привозил это угощение каждый раз, как будто должен был отметиться. На банку был приклеен кусочек бумаги с какой-то надписью от руки.

Мармелад. Фил пришёл с мармеладом и таким видом, будто явился не в гости, а на переговоры. Не с цветами, не с вином — с едой. Как в детстве: когда ты идёшь к кому-то и не знаешь, что взять, и мама говорит: «Возьми джем или мармелад, у нас много». Фил — с мармеладом. Это так трогательно, что хочется плакать. И так тревожно, что хочется закрыть дверь.

— Привет, — сказал он, протягивая варенье. — Решил заскочить. Дэн дома?

— Нет, на репетиции. А ты почему не с ним? Впрочем, не стой на пороге, заходи.

Прежде чем пригласить его, я на секунду замерла, сделала глубокий вдох и только потом отступила в сторону.

Мы сели на кухне, и Фил, покрутив в руках чашку, начал рассказывать о своих планах. О том, что хочет развивать свою музыкальную карьеру, что ему не хватает поддержки группы. О том, что сольный проект Дэниела его пугает — не потому, что завидует, а потому, что боится, что группа развалится.

— Поэтому я и не с ним. То Дэниел уезжает куда-то репетировать один, то я в других группах играю. Боюсь, что нашей группе конец.

— А ты пробовал сказать ему это прямо? — спросила я.

— Пробовал. Он говорит: «Как получится». А мне нужно знать точнее.

Я слушала и понимала: Фил пришёл не ко мне, он пришёл к «женщине Дэниела», надеясь, что я передам или повлияю. Это было одновременно приятно и обидно — приятно, что доверяет, обидно, что видит во мне не собеседника, а рупор.

— Я поговорю с ним, — пообещала я, хотя не была уверена, что из этого выйдет. — Но ты сам знаешь Дэна: давить на него бесполезно.

— Знаю, — вздохнул Фил. — Спасибо, что выслушала.

Я проводила его до двери:

— Не переживай. Всё наладится.

После ухода Фила я вернулась к кофе, но теперь уже с чувством, что между мной и ребятами появилась какая-то новая связь. Не просто «девушка фронтмена», а кто-то, к кому приходят, когда не знают, куда ещё пойти. Мне это нравилось. И пугало.

Пугало, потому что «нужна» — это ответственность. А ответственность — это клетка. Та самая, от которой я бегу. От которой Дэн бежит. От которой мы все бежим — каждый в свою сторону, и все — из одной. Может, в этом и есть наша общая беда: мы хотим быть нужными и одновременно боимся, что нужность превратится в обязанность. Из-за этого бежим от тех, кто нас любит. И к ним же возвращаемся.

Глава 5

Я ушла из университета в июне. Доктор Хили принял новость так, как принимал всё — с короткой паузой и фразой, которая звучала мягче, чем была.

— Я слышал, — сказал он, когда мы сели. Не «я знаю», не «мне сказали» — просто «я слышал», будто новость дошла до него сама, по воздуху, как запах из чужой кухни. — Вы ушли.

Он улыбнулся — той улыбкой, которая на лекциях и семинарах означала «хорошая попытка, но ответ неверный».

— Ушла.

— Жаль. — Он помешал чай. — Вы были моей лучшей студенткой. Но я не буду уговаривать вернуться. Это ваш выбор.

— Вы не осуждаете?

— Я давно перестал осуждать молодых людей за то, что они выбирают жизнь вместо науки. — Он отпил чай и посмотрел на меня поверх кружки — близоруко, внимательно, как смотрел на работы, которые находил интересными. — Но если передумаете — департамент никуда не денется. И я тоже.

Реакция профессора Лейн была другой.

Когда она узнала, что я ухожу из университета, — а это произошло за обедом, к которому я приехала с Дэниелом, не успев ещё толком сформулировать новость, — она поставила чашку на блюдце очень аккуратно и замолчала. Не на секунду — надолго. Дэниел смотрел на неё, не вмешиваясь. Он знал свою мать достаточно, чтобы не торопить.

— Ты уходишь из науки, — сказала она наконец. Не мне — куда-то в пространство, будто пробовала слова на вкус.

— Из университета, — поправила я. — Не из науки.

— Это одно и то же. — Она посмотрела на меня. В её взгляде было что-то, что я сначала приняла за осуждение, но потом поняла: горе. Не за меня — за ту надежду, которую я, сама того не зная, для неё воплощала. Дэниел ушёл из науки — и она приняла, потому что не могла не принять. Но я — я была последней, кто остался. Последней ниточкой к тому миру, в котором её сын был не музыкантом, а учёным. И вот я тоже уходила.

— Мама, — сказал Дэниел мягко.

— Я слышу, — ответила профессор Лейн. Потом повернулась ко мне: — Ты уверена?

— Да.

— Почему?

— Потому что я писатель, а не учёный. Мне потребовалось много времени, чтобы это понять.

Она помолчала. Потом сделала то, чего я не ожидала, — встала, обошла стол и обняла меня. Коротко, крепко, по-военному, как человек, который не умеет обниматься, но учится.

— Тогда хорошо, — сказала она. — Семья — это важно. — И добавила, уже тише, почти для себя: — Я знаю, каково это, когда человек, которого ты любишь, уходит туда, куда ты не можешь за ним следовать.

Я неловко обняла её в ответ, и с тяжёлым от такого облегчения сердцем вышла из комнаты.

Я не спросила, про кого она. Мы все знали, что за этой фразой стоит кто-то, о ком в доме Лейнов не говорили. Кто-то, чьё отсутствие было таким привычным, что стало частью мебели — как пустой стул, который никто не убирает, потому что все привыкли, что он стоит именно там, а если даже убирают, привыкли это место обходить.

Джейн надо мной смеялась. Не зло — скорее с тем облегчением, с каким смеются, когда друг наконец делает то, что все вокруг давно видели, кроме него самого.

— Ты сидишь за диссертацией, а сама пишешь афоризмы на полях, — сказала она однажды, заглянув мне через плечо. — Ты видишь, что делаешь?

— Вижу.

— И?

— И ничего. Диссертация — это серьёзно. А афоризмы — так, баловство.

— Баловство, — повторила Джейн с таким видом, будто я сказала, что земля плоская. — Ты написала три страницы за вечер. Три страницы афоризмов. Когда ты последний раз писала три страницы диссертации за вечер?

Я промолчала. Она была права, и мы обе это знали.

— Джин, — сказала Джейн тише, — ты не учёный. Ты писатель, который временно работает в науке.

Лето было тёплым, ленивым, пахнущим стриженой травой и джин-тоником, и мы с Дэниелом провели его вполсилы — я писала на веранде, он возился со звуком в наушниках, по вечерам мы ходили гулять. «Лето прошло, как проходит всё хорошее — незаметно, и только потом понимаешь, что оно было». Я записала это в телефон — между другими заметками, которые копились уже давно.

В июле мы поехали на побережье — на один день, без ночёвки, без плана. Дэниел запаковал в машину плед, термос с кофе и зачем-то — гитару. Я не возражала: знала, что он не будет играть. Он возил её с собой, как талисман, — не для музыки, а для уверенности, что музыка рядом.

Мы нашли пляж, на котором не было никого, кроме нас и чаек. Дэниел разостлал плед на песке, я села, поджав колени, и стала смотреть на воду. Море было серое, не голубое — ирландское, с белой полосой пены у горизонта, и от него тянуло ветром, который путал волосы и пах солью.

— Помнишь, — сказал Дэниел, ложась рядом и закидывая руку за голову, — когда я предложил тебе стать моей Эрато?

— Помню. Ты ещё сказал, что будешь моим литературным рабом.

— И был им. Пока ты не бросила науку.

— Я не бросала. Я ушла.

— Ушла, бросила — какая разница. Ты перестала быть моей Эрато и стала… — он замолчал, подбирая слово.

— Кем?

— Эпоной. Я же говорил тебе: ты не Морриган. Ты Эпона.

— Богиня с лошадьми. Спасибо, очень лестно. Особенно с моей проблемой.

— Не ёрничай. Рядом с тобой всё оживает. Идеи, песни, книги — даже музыкальные инструменты настраивать легче. Ты — та, рядом с кем вещи начинают слушаться. Не потому, что ты делаешь их, а потому что ты — почва. Понимаешь?

Я понимала. И мне было одновременно тепло и неловко — как всегда, когда Дэниел говорил такие вещи без паясничанья, без гитары, без сцены. Просто лежал на песке и говорил, глядя в небо.

— Дэн…

— М?

— Ты помнишь о своём предложении? Тогда, после viva?

Я замялась, и он повернул ко мне голову. Я видела его глаза — голубые, яркие на фоне серого неба, с прищуром, который означал: «Я слушаю. Продолжай».

— Конечно.

— Мы ведь поженимся?

Он не ответил сразу. Не потому, что удивился — я видела, что не удивился. А потому что Дэниел всегда делал паузу перед важными ответами, будто проверял слова на вес, как монеты.

— Конечно, — сказал он снова, таким же уверенным тоном. — И не «когда-нибудь», а осенью. В церкви в Бойле. Маленькой, каменной, той самой, где мы останавливались прошлой весной. С тобой в белом. С фатой, которая будет цепляться за дверные ручки.

— Ты уже всё продумал?

— Я всё всегда продумываю. Это ты живёшь в хаосе. Кто-то должен держать архитектуру.

Я засмеялась. Он не засмеялся — но улыбнулся, той улыбкой, которая у него бывает, когда он говорит серьёзно, а я принимаю за шутку.

— Дэн, ты серьёзно?

— Я всегда серьёзен. Просто прячу это за гитарой.

Я легла рядом, прижавшись щекой к его плечу. Чайки орали над водой, ветер рвал пену с гребней, и где-то далеко, за горизонтом, шёл дождь — серая полоса, висящая между небом и морем.

— Осень, — повторила я. — В церкви в Бойле. С фатой.

— С самой длинной фатой в истории графства Роскоммон. Чтобы гости запомнили.

— А кто будет гостями?

— Джейн. Доктор Хили. Мама, если приедет. Группа, если с ребятами… — он не договорил.

— С ребятами что?

— Всё будет в порядке.

Я поняла, о чём он: ссоры по поводу сольных проектов и будущего группы, Грег пил всё больше — не запоями, но регулярно. Каждый раз, когда мы собирались втроём, Дэниел смотрел на друга с тем выражением, которое я знала по себе: любовью, смешанной с тревогой. Любовью, которая ничего не может.

Мы полежали молча. Потом Дэниел сказал:

— Знаешь, что мне нравится в Эпоне? Она — не муза. Муза — это звучит высоко: женщина, которая вдохновляет, а сама стоит на пьедестале и ждёт. А Эпона — это та, кто рядом. На земле. Не на пьедестале. Та, рядом с кем всё растёт — и ты, и я, и всё, что мы делаем.

— Ты снова сделал мне предложение через кельтскую мифологию.

— А ты снова назвала это «предложением». Значит, я не зря старался.

Я не ответила. Просто лежала, слушала чайки и ветер, и думала: вот как это бывает. Не только на колене, с кольцом и закатом, а на сером пляже, с песком в волосах и разговором о богинях. И это — лучше. Потому что это — мы.

Осень пришла не сразу, а крадучись — как приходит всегда: сначала пожелтел один лист на клёне за окном, потом другой, потом ветер стал холоднее, а вечера — темнее, и вот уже Дэниел зажигал камин в пять, а не в восемь, и я доставала тёплый свитер, тот самый, розовый, грубой вязки, — кофту его мамы, которую я так и не вернула.

Я шла по парку, наступая на мокрые листья, и вдруг поймала себя на том, что сочиняю в голове что-то совершенно нелепое, открыточное, из тех фраз, которые пишут на календарях. Но мне понравилось — может, именно потому, что это было не в моём стиле.

Я остановилась, достала телефон и записала, чтобы не забыть:

«Осень — время грусти и скорби? Как бы не так! Осень — время любви. Можно подарить любимой букет ярких листьев, напоить её горячим кофе и лечь вместе с ней у горящего камина. Осенняя река шепчет рябине секреты, а рябина краснеет от восторга, отражаясь в воде».

Перечитала. Кивнула. Пусть будет — для книги афоризмов, если она когда-нибудь выйдет.

А потом подумала: Дэниел не подарил мне букет из листьев. Он подарил мне Эрато и Эпону, Морриган и Маху, глинтвейн и гитару, песню и клип, диссертацию и обложку. Но букет из осенних листьев — нет. Может, это и к лучшему. Дэниел не из тех, кто дарит листья. Он из тех, кто дарит мифы. А мифы — дольше. И тяжелее. И иногда — ранят.

В один из таких вечеров — начало октября, дождь барабанил по окну, камин потрескивал, торф шёл медленным густым дымом — Дэниел сел рядом, взял мою руку и молча обнял меня.

Прошло некоторое время. Как-то вечером, когда мы лежали на диване — я с книгой, Дэниел с телефоном, из которого доносились обрывки каких-то демо-записей, — он вдруг отложил телефон и сказал:

— Фил подписался на ещё одну сессию. Третью за месяц.

— И? — Я не сразу поняла, почему он мне это рассказывает.

— И ничего. Просто третью за месяц. Раньше он брал раз в полгода. «Потренироваться», — говорил. А теперь — третья.

Я отложила книгу. Дэниел смотрел в потолок, и по тому, как он старался не смотреть на меня, я поняла: это не наблюдение, это — начало разговора, который он давно откладывал.

— Ты думаешь, он уходит? — спросила я.

— Не знаю. Может быть.

— Он боится, — продолжил Дэниел, — что сольный проект закроет группу. Думаешь, я не вижу? Каждый раз, когда я упоминаю сольник, он делает вот так. — Дэниел сжал челюсть и отвёл взгляд, изображая Фила. — Молчит, кивает, а потом идёт играть на чужой концерт. Как будто репетирует уход.

— Ты с ним говорил?

— Говорил. Он говорит: «Я не против, просто опасаюсь». А я ему: «Никто никуда не уходит». А он смотрит на меня так, будто я ребёнку обещаю, что собака не умрёт.

— А может, он прав? — спросила я осторожно. — Может, сессионная работа — это его способ подстраховаться? Не уходить, а иметь запасной аэродром?

— Запасной аэродром, — повторил Дэниел с кривой улыбкой. — Знаешь, какое слово в этой фразе ключевое? Аэродром. Если ты на него садишься — ты уже не вернёшься на основной.

— Но он ведь не ушёл, — сказала я.

— Нет. Не ушёл. Просто стоит на полосе с заведённым мотором.

— А Грег? — спросила я. — Он что думает?

— Грегу всё равно. Грегу всегда всё равно, пока у него есть бас-гитара и выпивка.

— Несправедливо. Грег поддерживает тебя.

— Грег поддерживает всех, кто говорит уверенно. Грег — такой человек: скажешь «пойдём направо» — он пойдёт. Скажешь «налево» — он пойдёт. Не потому, что верит в направление, а потому, что ему важнее «с кем» идти, чем «куда».

— Что ты будешь делать? — спросила я.

— Как получится, — ответил Дэниел и взял телефон обратно.

Я вернулась к книге, но страницы не читались. Дэниел слушал своё демо, я слушала своё молчание, и между нами — как всегда — стоял кто-то третий. Не Грег. Не Фил. Будущее. То самое, которое «как получится».

Глава 6

Со свадьбой пришлось повременить. Не потому, что мы передумали — а потому что жизнь решила иначе. Грег запил по-настоящему, не в шутку, не «немного после концерта», а тяжело, с пустыми бутылками под кроватью и звонками в три ночи. Дэниел ездил к нему каждые два дня — иногда с утра, иногда после репетиции, иногда просто в полночь, когда Грег звонил и бормотал что-то невнятное в трубку. Свадьба отошла — не насовсем, не отменена, а просто перестала быть тем, о чём можно думать, когда рядом кто-то ломается.

Я не жалела. Не тогда. Тогда мне казалось, что свадьба подождёт, а Грег — нет. Потом я поняла, что «подождёт» — это тоже решение, только отложенное. Но тогда — в октябре, с Грегом на телефоне и Дэниелом в машине каждые два дня — мне было не до философии.

Дэниел перестал говорить о церкви в Бойле и о фате. Не потому, что забыл — Дэниел не забывает ничего, — а потому, что были вещи важнее. Я иногда ловила его взгляд, когда он думал, что я не вижу: усталый, тёмный, с той тенью, которая появляется у него под глазами, когда он несёт чужую боль, а свою прячет. Я знала, что он думает о Греге. Я знала, что он думает о нас. И я знала, что «октябрь» перетекло в «ноябрь», а «ноябрь» — в «когда всё устаканится». А «когда всё устаканится» — это самая опасная формулировка на свете, потому что «всё» никогда не устаканивается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.